

В. Дедюхин с матерью

В. Дедюхин (второй справа), г. Саранул. 1920-е

Кленовые листья

Рассказ

Фото из фондов
литературного
музея школы № 46

На Новодевичьем кладбище в Москве недалеко от могилы Левитана есть плита с надписью: «Художник Михаил Васильевич Нестеров».

Ближе к осени эта плита бывает укрыта узорчатыми кленовыми листьями. Листочки, колыхаясь в воздухе, нет-нет да и опустятся бесшумно на могилу художника. Листья отрываются от веток крепенького стройного дерева, клёна, который в сорок третьем году посадил здесь Аркадий Александрович Пластов. Всю жизнь питал он сердечную приязнь к Нестерову, этому могучему самобытному художнику.

Более шестидесяти лет отдал Нестеров любимому искусству. И хотя его творчество широко и разнообразно, он остаётся в памяти народной как живописец Руси молящейся, Руси богомольной.

Такие полотна М.В. Нестерова, как «Видение отрока Варфоломея», «Пустынный», «Великий постриг» и некоторые другие, — непревзойдённые шедевры мировой живописи. Стиль Нестерова столь своеобразен и поэтичен, что и в наши дни можно услышать слова: «нестеровский пейзаж», «нестеровский тип» или «нестеровские берёзки».

Пластова глубоко возмущали сухие социологические рассуждения некоторых учёных-искусствоведов, старающихся как-то объяснить и для чего-то как бы оправдать религиозную направленность известной части нестеровского художественного наследия.

— Зачем нужно профессорское рассудочное заступничество этому благоухающему букету?! — гневно говорил Пластов.

Когда же он вспоминал Нестерова, голос его теплел, глаза светились лаской:

— Великий труженик, светлая душа! Сподобился видеть его много раз. Не однажды подолгу разговаривал с ним. Последний-то раз в больницу к нему заходил. Прозрачный уж был весь от худобы. И голос тихий от малой силы. А всё говорил о работе своей, жалел о том, чего не успел сделать из задуманного. Могучий был дух у этого человека.

В январе сорок второго года Пластов пишет больному Нестерову полное нежности и преданности письмо:

«Живая непосредственная беседа с Вами — дело теперь уже неосуществимое. Нас, желающих быть в общении с Вами, бесконечно много, а Вы один,

и расхищать Ваше время и силы я не думаю, что у кого-нибудь хватит совести. Но вот и остаётся третья, на что Вы, наверное, улыбнётесь добродушно и скажете: «Ну, ну, валяйте, что с вами сделаетесь». Это вот что: мне хочется увидеть Вас, чем-нибудь услужить, порадовать, обнять крепко-крепко, поцеловать душевно со всей любовью, на какую способно моё сердце, принять от Вас ласковое слово на творчество, на труд, на правду в жизни...».

Это письмо было написано за полгода до того, как Михаилу Васильевичу Нестерову исполнилось восемьдесят лет. Вскоре его не стало.

— В следующем году осенью я и посадил на могиле Михаила Васильевича этот кленок, — вспоминал Пластов. — Любил он это дерево. Всегда светлел лицом, когда видел его. Рябину ещё любил осеннюю, её скромную русскую красоту. Недавно я был на его могиле. Посидел, погрустил. Кленок-то вымахал в большое дерево, шумит листьями. Захватил я с собой несколько листочков...

Василий Дедюхин